

Власть в Украине, в отличие от России, не сакральна

Павел Фельдблюм — имя, известное в еврейской общине Москвы. В свое время — исполнительный директор Российского еврейского конгресса, глава еврейской религиозной общины столицы, инициатор и организатор масштабной реконструкции московской хоральной синагоги. После аннексии Крыма и с началом войны на Донбассе Фельдблюм занял принципиальную проукраинскую позицию, а в начале этого года переехал в Киев. О сакральности власти в России, точке невозврата и первых впечатлениях от Украины — в эксклюзивном интервью для «Хадашот».

— Твой переезд в Украину от обеспеченной жизни в Москве — бегство или возвращение?

— И то, и другое, я ведь родился в Харькове и до 9 лет прожил в Украине, для меня это — не чужая страна. Но вырос я в глухом заполярном поселке, где наша еврейская фамилия звучала экзотично, хотя, как я сейчас понимаю, евреев там было немало.

— ***Волею судьбы ты стал одним из тех, о ком в официальных релизах пишут «стоял у истоков еврейского возрождения в России».***

— Именно волею судьбы, поскольку вырос я в достаточно ассимилированной семье. В 1990-м, будучи студентом мединститута в Тюмени, случайно увидел заметку в «Комсомольской правде» о том, что в Москве открылся еврейский культурный центр. Поехал, посмотрел («центром» оказалась Кунцевская иешива) и стал искать нечто подобное в Тюмени. Даже — смешно вспоминать — в горком партии обращался с вопросом, не зарегистрирована ли у них какая-нибудь еврейская структура.

Решил действовать через Москву — набрал целый пакетик 15-копеечных монет и отправился на почтамт — звонить московским знакомым. В общем, отфутболивали меня от «Софьи Иосифовны» к «Абраму Исааковичу» и обратно, пока, наконец (на последней монетке), не порекомендовали: позвоните Владу. Звоню, спрашиваю Влада. На другом конце провода — недоумение. Оказывается, я попал в Ваад — Федерацию еврейских организаций и общин Советского Союза, где меня сначала огорчили тем, что в Тюмени еврейских организаций нет, а потом обрадовали, сказав, что община есть в Свердловске. Всего четыре часа на поезде — и я там.

В харьковском детстве

Здесь (в местечке Махnivка, Винницкая область) родился прадед Павла — Гдаль Аврум-Лейбович Фельдблюм

Инициатива, как известно, наказуема, поэтому вскоре меня (еще 20 лет не исполнилось) избрали председателем Тюменского общества еврейской культуры. Менее чем через год я вошел в Совет, а потом и в президиум Ваада России.

В начале 1990-х община вышла на серьезный уровень, наш фестиваль «Ханука в Сибири» стал известен далеко за пределами Тюмени — у нас выступали все — от Кобзона и Меладзе до Boney M и Лиз Митчел, от Жванецкого и Марка Розовского до Янковского и Рудинштейна. Приезжали даже дочь и внучка Ирвинга Берлина — автора неофициального [гимна](#) США «Боже, благослови Америку» и... сына кантора тюменской синагоги.

— А потом была Москва...

— Да, в 1996-м, когда был создан Российский еврейский конгресс, я перебрался в столицу и стал исполнительным директором РЕК. Потом в течение нескольких лет был председателем Московской еврейской религиозной общины (МЕРО). В 2004 году я практически отошел от большой еврейской политики, хотя продолжал заниматься гуманитарными проектами, создал футбольный клуб «Маккаби — Москва», межнациональную футбольную лигу, а в 2009-м собрал и возглавил рекордную по численности (226 спортсменов в 19 видах спорта) российскую делегацию на всемирной Маккабиаде. Когда мы — на глазах у Дэвида Блатта (тогда главного тренера сборной России) обыграли непобедимую американскую сборную по баскетболу, он зашел после игры в раздевалку и каждому лично пожал руку.

— Что именно послужило отправной точкой для отъезда? Ведь тебе было что терять...

— Первым звоночком стала аннексия Крыма, хотя до какого-то момента казалось, что все еще можно разрулить, — эту подлую реальность было очень сложно осознать, в нее не хотелось верить. До поры до времени я публично выражал свой протест, в частности, в блоге на «Эхе Москвы» — и это был тот самый компромисс, который позволял мне оставаться в России. Громко заявляя о несогласии, я дистанцировался от всей этой грязи и как бы снимал с себя ответственность за происходящее — это некий условный договор с самим собой, и я понимаю всю его условность. Позднее эта публичность стала чревата серьезными последствиями, и я принял решение уехать.

В материальном смысле, безусловно, проиграл — в Москве у меня было все в порядке с бизнесом — семья ни в чем не нуждалась. Но при этом никогда я не чувствовал себя так морально комфортно, как сегодня.

— Государственного антисемитизма в России вроде бы нет, и вместе с тем на федеральных каналах, да и из уст некоторых политиков, звучат антисемитские месседжи, не вызывающие ни малейшего отпора со стороны ведущих. Случайность или тенденция?

— В последнее время уже не приходится говорить об отсутствии в России государственного антисемитизма. Надо понимать, что власть в России

сегодня — это не Путин со своим Политбюро, а спрут, охвативший своими щупальцами все сферы общественной жизни. Поэтому федеральные каналы — это часть государственного механизма, прямое продолжение власти.

Путин сам выстроил систему, при которой он не может уйти от ответственности за что бы то ни было, происходящее в стране. Это не Украина, где фраза Савченко о «евреях и жидах», хоть и не вызвала окрика с самого верха, но где существует множество центров власти, отсутствуют госканалы, а за оскандалившегося депутата не вступается спикер Рады.

— Как это сделал спикер Думы Володин в отношении депутата от «Единой России» и своего заместителя Петра Толстого. Толстой (праправнук великого писателя) пустился в рассуждения о тех, кто «рушил наши храмы, выскочив... из-за черты оседлости с наганом в семнадцатом году, а сегодня их внуки и правнуки, работая ... на радиостанциях, в законодательных собраниях, продолжают дело своих дедушек и прадедушек».

— Именно так, после чего Володин предположил, что Толстой имел в виду неких «каторжан». Это мало похоже на осуждение антисемитского бреда известного политика, телеведущего и по совместительству главы российской делегации в [Парламентской Ассамблее ОБСЕ](#). Сам Толстой, кстати, даже не извинился за злополучную фразу (ограничившись словами о том, что его неверно поняли), что не помешало президенту Федерации еврейских общин России (ФЕОР) публично примириться с политиком и пожать ему руку. Это, впрочем, естественно, ведь еврейские организации — тоже элемент властной вертикали, и примирение представителя ФЕОР с вице-спикером Думы напоминает поцелуй двух голов дракона.

С председателем Межлиса Рефатом Чубаровым

Павел Фельдблюм и главный раввин Киева и Украины Яков Дов Блаих

Время от времени подобные пробы повторяются — так, депутат Виталий Милонов недавно порадовал познаниями в истории, заявив, что «христиане выжили, несмотря на то, что предки Бориса Лазаревича Вишневого и Максима Львовича Резника (депутаты законодательного собрания Петербурга, — прим. ред.) варили нас в котлах и отдавали на растерзание зверям». Это, кстати, тот Милонов, который призывал «вернуть в состав Российской Федерации Харьков, Донецк и Одессу» и всячески оскорблял украинцев.

— Какой дискурс доминирует среди московской еврейской тусовки? Закон страны — закон? Путин — наименьшее зло? Оппозиционный настрой?

— Еврейские лидеры выстроили для себя конструкцию, позволяющую не выглядеть ничтожествами в собственных глазах и оправдаться за столь неприличную, до сращения, близость к власти. Это возможно до определенного момента, но когда на руках этой власти кровь тысяч жителей соседней страны, то сложно остаться незапятнанным...

— Среди этих лидеров много твоих друзей и коллег по еврейскому движению?

— К сожалению, да, и самое печальное, что большинство всё прекрасно понимают. Некоторые пытаются пройти между струйками, другие сознательно заняли активную провластную позицию — по разным причинам, ведь близость к власти определяет сегодня в России практически все.

— Чем объяснить отсутствие реальной оппозиции в России? Ведь пройди завтра честные выборы, народ проголосовал бы за тех же...

— Чтобы поставить такой эксперимент в чистом виде, надо вернуться почти на 20 лет назад. С начала 2000-х системно вышибались все пассионарные силы общества, людей выдавливали из политики и из страны, закрывали свободные СМИ — в результате картина мира стала перевернутой. Помнишь, в детстве были популярны диаскопы — вставляешь диапозитив и любишься. Но если в диаскопе треснуло стекло, какой смысл обсуждать увиденное на слайдах? А это стекло разбилось давно — мы живем в перевернутом мире, где система зеркал разрушена, гражданское общество уничтожено, а все сферы жизнедеятельности контролирует государство.

— Большинство это, по-видимому, вполне устраивает, серьезного запроса на перемены практически нет...

— Если закатать муравейник под асфальт, то большинство муравьев адаптируются и начнут жить под асфальтом. Постепенно и запрос на жизнь в нормальном муравейнике исчезнет — начнут происходить физиологические изменения, для жизни под асфальтом, например, требуется меньше кислорода.

— А если молодые и образованные муравьи побывали в других муравейниках и им есть с чем сравнивать?

— Мы же знаем, что поддержка Путина мало коррелирует с уровнем образования и социальным статусом.

— И чем это объяснить? Возможно, Путин дал людям то, о чем они втайне мечтали?

— Я предпочел бы думать иначе, поскольку, если согласиться с тобой, более страшного диагноза для российского общества нет. Нынешняя власть заставила россиян жить в матрице, где сохранять здравый смысл невозможно, поэтому хочется верить, что мы имеем дело с адаптацией организма к предлагаемым условиям. Если это так, то при отсутствии внешнего фактора произойдет регенерация.

Когда-то в студенческие годы мы моделировали цирроз печени у крыс, притравливая их четыреххлористым углеродом. Когда внешнее токсическое воздействие прекращалось, то после небольшой хирургической операции структура печеночной ткани возвращалась к норме. Надеюсь, что регенераторные способности российского общества позволят ему восстановиться.

Но если ты прав, и Путин — всего лишь порождение общественного запроса, то это смертельный диагноз.

— Ты уже два месяца живешь в Украине, нет разочарования?

— Нет. Здесь много проблем, но совершенно другая атмосфера — кровеносные сосуды не закупорены, кислород не перекрыт. Кровеносная система организма — это институты гражданского общества, это общественные организации, избирательный процесс — в России всего этого нет или есть в подконтрольном власти формате.

С родителями в Израиле

Совершенно очевидно, что в Украине ничего *не предопределено*, существует много вариантов развития событий, здесь кипит жизнь. Сегодня одна власть, завтра ее может сменить другая, но общество не допустит узурпации власти кем бы то ни было. Вообще власть в Украине, в отличие от России, не сакральна, она воспринимается совершенно по-другому.

— Пройдена ли точка невозврата в отношениях с Россией?

— Абсолютно. Возврата к довоенной ситуации не будет. И однажды каждому в России придется держать отчет прежде всего перед самим собой, за свое поведение в эти годы. Этого не избежать и еврейскому сообществу, поэтому для меня очень важно, чтобы как можно больше российских и русскоязычных евреев оказались не на темной стороне.

— Собираешься принять участие в местной политической или общественной жизни?

— Я далек от политических процессов, но не буду стоять в стороне от еврейской жизни, поэтому недавно возглавил Попечительский совет Объединения иудейских религиозных организаций и общин Украины. В Одессе и Днепре меня поразила уровень развития еврейской общины, который

во многом превосходит киевский.

Характерно, что и мотивация спонсоров здесь иная, чем в России, где люди покупают своеобразную крышу, близость к Путину. В Украине тоже не все идеально, но цдака, как правило, не связана с попытками приобрести административный ресурс.

— *Рассчитываешь со временем вернуться или связываешь свое будущее с Украиной?*

— Целиком и полностью. Я подал документы на получение украинского гражданства — не вида на жительство, а именно гражданства. Беру уроки украинского языка — понимаю его отлично, все-таки украинская речь звучала в моем детстве, но главная проблема сейчас — не изобретать новых слов вроде «останівка». В целом, я ощущаю, что вернулся домой.

Беседовал Михаил Дор